

ГДЕ БЫ ни появлялся Леонид Дьячков — в спектакле «Первый встречный» или телевизионной опере «Ромео, Джульетта и тьма», — всюду одна манера сопутствует его игре: перед нами неловкий, диловатый, часто сердитый юноша, который словно говорит с залом суровой угловатой прозой. Есть у него, правда, привычка и нехотя улыбаться, но очень скупую, краешком рта.

В спектакле Театра имени Ленсовета «Сплошные неприятности» он поет вместе со всеми песенку. Нужно петь «хэлло-хэлло» и при этом улыбаться. И Дьячков поет, но... угрюмо и нехотя. Лицо очень напряженное. Но вот, когда все уже «отгулыбались», вдруг и Дьячков нашел что-то смешное в ситуации на сцене, и на его лице появилась улыбка, как всегда скупая, но такая искренняя и настоящая, что стало понятно, отчего он так долго ждал мгновения, когда ему действительно захочется улыбнуться...

Как много значит по-своему видеть мир, иметь ясную актерскую индивидуальность!

Сначала казалось так: обманчива эта дьячковская манера, нет за ней никакого содержания. Да, угловатый, ершистый, нервный, замкнутый. А что, спрашивается, дальше? Что актер всем этим хочет сказать? Сколько раз видели мы в театрах ершистых молодых людей! Сначала они увлекали новизной, затем стали повторяться. Но вот Дьячков сыграл в телеспостановке «Когда скорый опаздывает» роль хирурга, сыграл в спектакле «Мой бедный Марат» нашего современника Леонидика, который оказался в его исполнении вопреки авторско-

му замыслу духовно богаче и интереснее самого героя пьесы — Марата, сыграл другие роли. И стало понятно, каков он, лирический герой Дьячкова.

У него есть свой пафос, он суров и замкнут. Но не от принципиальной «отъединенности», нет. Просто недоволен собой и требователен к другим. Играв коммуниста Анохина в «Микрорайоне», он готов сражаться за правду, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Но как, какими путями отстаивать свою гражданскую принципиаль-

ней видимостью пытаются разглядеть сущее, ищут свою «глубину» и свою «щелину».

Когда разгадывается содержание таланта актера, когда убеждаешься в удивительной убежденности его героя, то сразу мирится с необычным рисунком игры, с несколько странной манерой и ломаным ритмом в движениях, и басовитым говорком, и чуть замедленными паузами в речи.

В спектакле Театра имени Ленсовета «Самая короткая ночь» актер играет очень симпатичного пар-

няющийся и, если можно так сказать, конфликтный. Он будто идет наперерез собеседнику своими интонациями. На словах соглашается, а внутренне протестует. Он чудак и диловат, как прежде. Но, отталкивая от себя людей, парнишка Дьячкова никак не может ответить на вопрос: что же интересно ему в жизни, помимо научно-популярных представлений о физических и математических законах?

Актер уже не раз играл вот такое «перепутье» в жизни молодого

раннее пока хотя и одинаково по манере, но разнообразно по содержанию. Тут и почти жертвенная решимость молодого коммуниста Анохина из «Микрорайона» (такого «неэффективного» внешне паренька в сползающих на нос очках), тут и простодушие Лапина из «Первого встречного», и лирическая просветленность чешского юноши-патриота из телеспектакля «Ромео, Джульетта и тьма».

А началось все с маленькой роли в малоудачном спектакле «Кочевники XX века». То был Парень, зажигающий лампу, для которого Дьячков нашел удивительно свежую характерную краску и впервые приоткрылся сам как индивидуальность. Парень, зажигающий лампу, — это дежурный по бригаде. Он встает раньше всех и зажигает лампу, чтобы товарищам, заступающим в смену, было светло. Этот Парень жил в спектакле в каком-то неподдельно счастливом настроении, в учащенном, торопящемся ритме.

...Когда наблюдаешь из зала Дьячкова (популярность артиста среди любителей театра растет), кажется, будто он ищет в людях того парня, что вставал раньше всех на заре трудового дня и зажигал лампу.

Определенность гражданского поиска — вот что привлекает в творчестве молодого актера. В том, как он играет, чувствуешь биение пульса времени, проникающего в «кровь и плоть» созданных им образов. Вот почему нам захотелось рассказать о Леониде Дьячкове из Театра имени Ленсовета.

Ю. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ

ЗАЖИГАЮЩИЙ ЛАМПУ

ность, — еще не всегда находит. И отсюда у актера колючие интонации и неожиданно — мальчишеская робость, вдруг промелькнувшая в каком-то движении. Он не находит слов, чтобы высказать самое заветное, и потому горячится и сердится. В «Первом встречном» Дьячков создает образ «трудновоспитуемого парня», недоверчивого, обиженного, но где-то там, в ясном взгляде его светлых глаз, таятся тепло и жажда быть среди людей, идти навстречу друзьям. Герои актера — в движении, они жаждут самых трудных дорог, лишены покоя и благополучия, которое ненавидят. И всегда за внеш-

нишкой, который до того увлечен Эйнштейном, теорией относительности, что не сразу может понять происходящее рядом с ним. Он случайно оказывается в доме женщины, у которой свои житейские невзгоды. Хозяйка нервно расставляет стулья по комнате и все спрашивает гостя, хорошо ли они стоят. Парнишка же увлеченно рассказывает ей об Эйнштейне, он смешно вытягивает шею, наблюдая за передвигаемыми стульями, и никак не может понять, отчего женщину интересуют эти вещи, а не Эйнштейн.

Дьячков здесь по-прежнему острый, любопытствующий, чуть ухмы-

человека своих лет, и играл очень интересно. Теперь актеру хочется сыграть нечто более содержательное. И вот он пытается как-то заполнить брешь во внутренней жизни образа. Вот он хмыкнул ни с того ни с сего, улыбнулся своей улыбочкой «вкось», затем хмыкнул еще и еще раз, потому что кто-то из зала поддался на этот обман, на этот спасительный трюк с грубоватой неожиданной ухмылкой. И где-то именно здесь, в спектакле «Самая короткая ночь», нам показалось, что началось опасное повторение.

Будем надеяться, что актер минует его, тем более, что все сыг-